

ПАВЕЛ КАЛИНИН

ВСЁ КАК ЕСТЬ

или ПОВЕСТЬ

О НАС ТОЯ ЩЕМ



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Павел Калинин

Всё как есть, или

Повесть о настоящем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68933391

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-90716-4

Аннотация

Главный герой – не такой, как все. Он – настоящий панк, настоящий музыкант, настоящий поэт, а может быть, просто настоящий свободный человек. Но какова цена этой свободы? Константин "Ступа" Ступин – не образец для подражания, единственный в своём роде, у него другие жизненные ценности, но стоит ли равняться на них? Кто же он – шут, алкаш, втирающий дичь, или великий музыкант – голос поколения? Любители философии, велкам! Психологи и другие доктора, присоединяйтесь!.. Историки найдут здесь ценные исторические факты – настоящие приметы времени. Материалы этой книги использованы для научной статьи кандидата филологических наук. Особую ценность представляет глава "Автографы" – рукописи расскажут о многом, особенно экспертам почерковедам. В то же время книга читается очень легко, а непосредственное участие автора в описываемых

событиях погрузят читателя в эпицентр происходящего и близко познакомят его с Константином Ступиным.

Содержание

Предисловие	6
Часть 1	10
«Он был одет хорошо, но как-то небрежно»	11
«А знаешь, “Ночная трость” – это не так уж сложно»	14
Надежды	24
«Наркотики убивают, но их всё равно принимают»	32
«Когда я думаю, мне больно»	38
«Вдруг из ямы оркестровой клоун вылезет здоровый»	45
«Но я хотя бы попробовал это сделать, черт побери!»	53
На зоне	62
Первый паблик	66
Свобода – это рай	70
Денис	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Павел Калинин

Всё как есть, или

Повесть о настоящем

Если бы однажды мне предложили прожить свою жизнь ещё раз, я бы не думал, а жил как в последний раз.

Константин Ступин

Предисловие

1994 год. Мне четырнадцать, я в первом отряде уже не пионерского, но оздоровительного лагеря «Мечта». В этом отряде собрались все те, кто состоял на учёте в милиции (таким ребятам выделялись бесплатные путёвки), там же находился и парень по кличке Кузя, круто поющий и играющий на гитаре. Запомнились «Цветы на огороде» и «Песня про козлика». Поговаривали, что наш Кузя – младший брат того самого Кузи, который играет в группе «Ночная трость».

«Ночная трость»... Название мне показалось загадочным и романтичным, и оно крепко въелось в моё подростковое сознание.

В те времена музыка распространялась путём перезаписи кассеты МК на двухкассетнике, и вот в 1996 году мне попала в руки кассета с той самой надписью, нацарапанной карандашом: «Ступа "Ночная трость"».

Пиком крутизны считался орущий и хрипящий магнитофон, выставленный в окно. Многие крутили «Ласковый май», я же был бунтарём – бунтовал в основном против бабушек на лавочке, ставя им Sex Pistols и Nirvana.

Послушал «Трость» – запись отвратительная, слов не

разобрать, но голос мощный, раскатистый рык. Песни повторялись несколько раз, менялись только скорость и манера исполнения. Сразу решил, что это то, что нужно, — «бабки перед ужином молятся, а дети в подвалах колются» (песня Жабь).

Постепенно начал вслушиваться в слова, в мелодию, вокал и в один прекрасный момент понял: это же так же круто, как *Sex Pistols*, *Nirvana* или «Гражданская оборона». Единственное отличие в том, что они — небожители, недосягаемые, их кассеты оформлены красивыми картинками и продаются в ларьке, а Ступа живёт в моём районе, практически в соседнем доме, и можно было слышать от друзей байки, что «подходил Ступа, продавал немецкую каску».

Мне захотелось узнать об этом человеке.

Наверное, мысли материальны, ведь впоследствии судьба предоставила такую возможность: в 2013-м я стал непосредственно участвовать в жизни и творчестве Константина. К тому моменту, наряду с прочими моими задачами, я целенаправленно занимался сбором материала для этой книги.

Да-да, именно для книги, а не для статьи или очерка. Я понимал, что главный герой настолько неординарный, харизматичный и противоречивый, что ему позавидует сам Достоевский. Поэтому книга обещает быть интересной не только как документальное, но и как художественное чтение в приключенческом, скажем, жанре с элементами драмы и трагедии.

Я много раз порывался начать работу над повестью, пытаясь осуществить замысел ещё при жизни Ступы. Но, как обычно, не хватало времени и терпения, поэтому однажды возникла идея – выкладывать черновики написанных глав в интернет, чтобы взять обязательство и перед собой, и перед читателями не останавливаться, а также позволить читателям и героям книги принять непосредственное участие в написании, сделав книгу максимально правдивой и достоверной. Идея сработала. Вопросы, комментарии и воспоминания читателей по ходу написания помогали точнее формулировать мысли и глубже вникать в тему.

Книга из двух частей. Первая основана на воспоминаниях самого Константина и людей, которые были причастны к событиям до 2013 года. Здесь нужно отметить, что я не собирал информацию в интернете. На тот момент если она и была, то на уровне слухов, а та, что появилась позже, бралась из моих же публикаций. Вторая часть – это события, очевидцем которых я был в период с 2013 по 2017 год.

До 2013 года встретиться со Ступой нам не довелось. Возможно, он проходил мимо моего окна, когда я включал ту самую кассету. Однако распространять его песни я начал уже тогда, раздавая перезаписанные кассеты панкам из других городов.

Время шло. Бунтарский дух угас. Плёнку на кассетах за-

жевало.

Но вскоре появился интернет, и как только я научился пользоваться Гуглом, то сразу набрал в строке поисковика «Ночная трость».

К моему удивлению, нашёлся паблик в «ВК», посвящённый творчеству группы, и теперь, чтобы распространять песни, не нужно было ехать в другой город.

Я и сам не заметил, как полностью погрузился в процесс распространения творчества Стуны, а позже стал организовывать концерты...

Обо всём этом – во второй части, а сейчас настало время переходить к первой.

Часть 1

«Он был одет хорошо, но как-то небрежно»

Константин Валентинович Ступин родился 9 июня 1972 года в городе Волгограде, в классической советской семье военнослужащего. Дед, Иван Спиридонович, – герой Советского Союза (см. Википедию), отец – военный лётчик, мать – домохозяйка.

Ему не было ещё и года, когда семья переехала жить в Орёл, на родину деда. Отец умер, когда Костику исполнилось 10, и многие егодетские шалости остались безнаказанными.

Зато был старший брат Олег, он и его друзья стали главными воспитателями Кости. Тусить с ними было гораздо интереснее, чем со сверстниками, и, как в таких случаях говорится, «мальчик рано повзрослел».

Олег был гораздо старше, он рос в других, «советских», условиях. Процветали многочисленные детские кружки, он же увлекался картингом. Ребята собирали, разбирали, ремонтировали болиды и, конечно, гоняли на них по трассе, организованной вокруг ДК «ОСПЗ». Повзрослев, Олег устроился дальнобойщиком и иногда брал младшего брата в

поездки.

Ступа: *«Брат работал дальнобойщиком и доставал фирмовые шмотки. Все ходили в варёных “мальвинах”, а я щеголял в “родных ливаях”. На них было пятно. Я очень огорчился из-за этого, но всё-таки их надел. Мы пришли с братом в компанию, его друзья начали рассматривать мои джинсы, восклицая: “Ух ты! Ливайс с родным пятном!” Я мгновенно почувствовал себя крутым. Потом, когда я ходил в фирме, а серая масса сверстников в варёнках, я понял, как это круто – отличаться от других».*

Ещё одна отличительная черта – «фирменный» нос. Первую травму носа он получил в младенчестве, выпав из кроватки. Потом юный Ступа сломал его на хоккее, третий раз – в драке. Подраться Костик любил и, несмотря на невысокий рост, смело вступал в бой с соперниками любых габаритов. После очередного перелома возникла необходимость в хирургическом вмешательстве.

Константин лежал в больнице, восстанавливаясь после операции, с лангеткой на носу. Ему стало скучно, поэтому вечером, выбравшись через окно, он отправился на свидание с подругой. О подробностях свидания история умалчивает, известно только то, что в процессе Костик снова ударился носом, после чего хирурги оказались бессильны. Так появился ещё один «фирменный» знак, выделявший его из толпы.

К седьмому классу Костя уже вовсю потягивал пивко и мог ходить по улице, горланя «Островок», любимую на тот период песню.

Ступа: *«Была перемена, и, как обычно, в туалет набилось много народу, чтобы покурить. Мне приспичило по-большому, для облегчения процесса я запел “Островок” и забил покурить у пацана из параллельного класса. Когда я закончил дело и дождался курева, тот самый пацан, передавая мне сигарету, спросил: “Ступа, а не хочешь у нас в школьном ансамбле попеть?” Но я лишь рассмеялся и подумал, что негоже мне, такому крутому парню, вязаться с какими-то музыкантами. Но, надо признать, мне это польстило: оказывается, я выделяюсь не только хулиганскими выходками, но ещё и голосом».*

Тем самым пацаном оказался Ростислав Терехов, а его напарником по ансамблю был одноклассник Эдуард Кузьмин.

«А знаешь, “Ночная трость” – это не так уж сложно»

Ростислав Терехов, год рождения – 1972, основатель и на данный момент продолжатель дела группы «Ночная трость».

С раннего детства Ростик посещал музыкальный кружок. Хотя его мать и работала преподавателем в музыкальной школе, сына она отдала учиться на аккордеон в соседний ДК «ОСПЗ». Дома, помимо аккордеона, мальчика ждало фоно, игре на котором обучала сама мама.

Ростислав до поры до времени с большой неохотой посещал занятия, но отношение к музыке у него изменилось благодаря другу, детсадовскому однокласснику, а потом и однокласснику Эдуарду Кузьмину. Эдик самостоятельно выучил пару гитарных аккордов, благодаря чему в компаниях пользовался особым вниманием девушек. Ростислав, оценив все преимущества быть музыкантом, предложил другу организовать ансамбль, после чего ребята стали завсегдатаями ка-морки в школьном актовом зале, куда ходили ребята постарше. Приглядывал за всем учитель музыки Дыбкин.

Группу называли «Монолог» и приступили к разучиванию

популярных в то время песен, например того самого «Островка». Петь особо ни у кого не получалось, даже у старших товарищей выходило как-то пискляво и по-детски. И однажды, услышав раскатистый бас Ступы, друзья поняли: это тот, кто им нужен.

Как нам уже известно, ребята вначале получили отказ, но на следующий день воодушевлённый комплиментами Костик решил зайти к музыкантам и попробовать себя в новом амплуа.

До этого момента Константин вообще не интересовался музыкой, напротив, у него была договорённость с учителем пения Дыбкиным: он не приходит на урок – Дыбкин ставит ему три.

Ступа: *«Я глумился на уроке пения и очень неуважительно вёл себя с учителем, но, как оказалось, Дыбкин был отличным мужиком. Что поделать, дети – они беспощадны».*

В новом составе группа отрепетировала «Островок». Захотелось иметь свой репертуар. Первой «своей» песней становится «Серенький козлик» со следующим содержанием:

*Бабушка козлика очень любила,
Бабушка козлика водкой поила,
А-а-а, водкой поила.*

Ступа: *«Песню “Серенький козлик” я услышал от своего друга Серёги Полякова (Поляка), царство ему небесное, если после всех безрассудств и вакханалий бог простил его. Он*

был обычной шпаной, я даже не могу вспомнить его лица – только светлые буйные кудрявые волосы, а дури-то, дури...»

Первые песни сочинялись Ступой и Кузей. Идеи они черпали на улице, общаясь с такими людьми, как Поляк. Они могли просто стоять в компании и от скуки придумывать разные рифмы, а потом делать из этого песню. Песня «Пинчер», например, была сочинена во время прогулки на крыше:

Однажды ночью облезлый пинчер

Гулял по крыше,

Ловил тюленей

С криком:

Ага-ги-го, ага-ги-го, ага-ги-го.

Эдуард Кузьмин: «Одним из наших с Кости́ком уличных развлечений было залезть на какую-нибудь высоту. Если мы залезали на башенный кран, то Костик лез на самый конец стрелы. Если гуляли по крыше, то ему обязательно нужно было пройтись по самому поребрику. Ещё был такой фокус: Ступа прыгал на козырёк балкона 9-го этажа, со стороны казалось, что он прыгнул с крыши, все подходили к краю, чтоб посмотреть, что осталось от Кости́ка, а он выскакивал, как чёрт из табакерки. Я удивлялся его бесстрашию».

Настоящую тяжёлую музыку Костик впервые услышал от своей первой девушки, которая была на пару лет старше и фанатела от AC/DC. Во многом благодаря этому ребята определились с направлением – «мы будем играть хеви-ме-

тал».

Окончив 8 классов, Костя поступает в ПТУ № 22. Он с детства хотел стать танкистом и, чтобы хоть как-то приблизить мечту, выбрал специальность «тракторист-водитель». Первое практическое занятие проходило на ДТ-75, нужно было вести трактор строго по линии, но Костик не послушался преподавателя, представил себя танкистом и начал совершать манёвры.

Песня "Бульдозеры" скорее всего навеяна этими событиями.

1. Мы едем на
Едем на Бульвар
Мы едем на
Мы едем на
Мы едем на
Мы едем на

2. Мы едем на
Едем на Бульвар
Мы едем на
Мы едем на

метив любовь к технике, Ступина назначают в агитотдел училища.

Вспоминает очевидец: «Помню, как зимой 1988 года сидит наш 8-й “з” в школе № 37 на уроке. Заходят в класс Ступина с каким-то корешом. Я знал, что это Ступа. На микроне его все знали. Они пришли агитировать поступать после 8-го класса к ним в ПТУ. Кореш Ступин рассказал о специальностях, а потом Ступа, грозно обводя взглядом класс, спросил: “Ну! Кто желает?” Потом уставился в упор на Миху с первой парты и спросил: “Может, ты желаешь?” Миха учился хорошо, не зря за первой партией сидел, он ответил, что в 9-й класс собирается. А Ступа говорит: “Ни хера! К нам будешь поступать!” И потом ко всему классу обратился: “Чуваки, к нам в училище давайте, никто не обидит, а вот если не поступите, встречу на улице – тогда не обижайтесь!”»

Активистская деятельность Ступина на этом закончилась, его отчислили из училища за прогулы. Диплома тракториста он так и не получил, зато на музыку оставалась уйма времени.

В армию он тоже не попал, поскольку на медосмотр пришёл с кельтским крестом на шее. Вместо танковых войск Константин попадает в 18-е отделение Орловской психиатрической больницы.

Репетировать ребята продолжали в школе № 5 при поддержке всё того же Дыбкина. Однажды парням попалась кас-

сета E.S.T., и они поняли, что рок-н-ролл – это не только Motorhead. Так родился кавер на песню «Перестройка», записанный на обычный микрофон кассетного магнитофона. С этой записью ребята и пришли на Пентагон (в 80-е – сквер слева от Дома советов на улице Ленина), тогдашний эпицентр неформального движения.

Ступа: *«В то время рокеры собирались на Пентагоне. Общий враг – гопники. На одной лавочке хиппаны, на другой – металлиеры, дальше панки, урло, наци-панки. Обитатели сей тусовки постоянно тусовались туда-сюда, и человеку со стороны трудно было понять, что здесь происходит».*

Для большего погружения в атмосферу того времени сделаем важную ремарку.

На каждом заводе и фабрике, которых в те годы в Орле было больше, чем «Магнитов» и «Пятёрочек» сейчас, имелся актовый зал с камеркой, в которой обязательно находилась вся необходимая музыкальная аппаратура и инструменты. Микронообразующим предприятием был ОСПЗ, самый крупный сталепрокатный завод в СССР. Кстати, район Орла, в котором жили наши герои, был построен для работников ОСПЗ и назывался просто «Микрорайон», в народе – Микрон. Так вот, на этом предприятии были десятки цехов, и в каждом из них находился актовый зал. На этой благодатной почве, в уютной тесноте камерок при цехах, рок-группы в Орле стали появляться как грибы после до-

жда.

Теряющий власть государственный отдел пропаганды принял решение, что раз рок-заразу уже не остановить, нужно попытаться её контролировать.

Тренажёрные залы на заводах тоже были, и часть молодёжи ходила туда, чтобы вечером, выходя на улицы, терроризировать не только обычных прохожих, панков и металлистов, но и саму милицию. Эти движения слабеющее государство даже не пыталось взять под контроль.

На одном из пентагоновских собраний появилась идея организовать ни большие ни меньшие, а Орловский рок-клуб. Это нужно было для формальности, чтобы рок-мероприятия были прикрыты официальной бумажкой.

Туда захотели вступить и ребята из «Монолога». Константин предложил сменить название на более эпатажное. И вот, во время просмотра фильма с тем самым «гундосым» переводчиком, Ступа услышал выражение «Вот моя ночная трость» (как нам подсказал внимательный подписчик Джонни Ли Рэй, этим фильмом был Cruising 1980 года выпуска с Аль Пачино в главной роли. Даже время известно – 4:20, сцена с полицейскими в машине). Из сцены понятно, что «ночная трость» означает «член».

Константин задумался: если Sex Pistols – это тоже член, то почему бы не назвать группу подобным образом. Идея всем понравилась.

Логотип придумал старший товарищ, Александр Карпушин, который в ту пору работал художником в строительной организации. А для закрепления статуса рок-группы решено было сделать студийную запись.

Записями тогда редко кто заморачивался. В основном музыканты ходили друг к другу на репбазы и слушали всё живую.

Студию отыскиали на заводе универсальных вычислительных машин (УВМ). Сделанные тогда записи присутствуют на сборнике «Гремит моя музыка» 1988–1990 годов.

Первая попытка выступить завершилась неудачей. Ребята пришли на прослушивание, чтобы выступить под эгидой рок-клуба. Постояли, послушали другие группы, поняли, что они по сравнению с ними наивные дилетанты. Посоветовавшись, решили уйти: «Мы же играем хеви-метал, а здесь какие-то стилиаги».

С выступлениями решили повременить и отточить технику. Нашли репбазу на предприятии «Вторчермет» рядом с мясокомбинатом. Кроме наших героев, там репетировали более матёрые музыканты. Послушав «Ночную трость», они вынесли вердикт: «Хеви-метал вы играете отстойный, конечно, а вот панк-рок очень крутой. С этим материалом можно смело выходить на сцену». Воодушевившись таким поворотом, «Ночная трость» даёт первое официальное выступ-

ление на фестивале 1989 года, проходившем на летней сцене-амфитеатре, в простонародье – Пепельнице.

Надежды

Станислав Дорофеев, в 1989–1991 годах – участник группы «Ночная трость». На сегодняшний момент – автор успешного музыкального проекта «Помни имя своё».

Его музыкальный путь начинался по схожему сценарию. Он был на год старше наших героев, учился в 13-й школе на том же Микроне. Со своим другом Дмитрием Филёвым организовал группу «Евразия». Стас изначально планировал стать профессиональным музыкантом, поэтому уделял музыке всё свободное время. К моменту выступления «Евразии» в Пепельнице он отлично владел струнными инструментами.

Станислав Дорофеев: «Со Ступой я познакомился на концерте в Пепельнице. “Ночная трость” не произвела на меня особого впечатления – наивная музыка, наивные тексты, но бросилась в глаза энергетика солиста: если технику игры можно натренировать, то харизму может дать только природа. После концерта мы пообщались, он похвалился, что у них есть студийная запись, и пригласил прийти к себе на базу. На репетицию “Трости” я пришёл со своим другом Дмитрием, мы прослушали их репертуар. Я окончательно

убедился, что Ступа – это самородок, а песня “Тварь” – потенциальный хит, и у меня возникла идея, как её обыграть. Так началось наше взаимодействие».

Ростислав к тому моменту уже подумывал о женитьбе, занялся челночным бизнесом и нечасто появлялся на репетициях. У «Евразии» также не было постоянного состава, поэтому Дмитрий и Стас становятся участниками «Ночной трости». Константин находит хорошего барабанщика – Сергея «Слэя» Дадонова.

В таком боевом составе ребята начинают активно репетировать и готовиться к выступлению на первом большом Орловском рок-фестивале в ДК строителей. Организаторы решили разыграть очерёдность выступлений групп, и

«Ночной трости» выпало открывать фестиваль.

Ребята расстроились, подумав, что выступление в 14:00 перед неразогретой публикой – это провал, но вышло совсем наоборот.

На открытие такого грандиозного события набился полный зал вместимостью около 500 человек, который заходил ходуном после исполнения «Твари» и уже не затихал до самого конца выступления. У Костика была куртка с британским флагом на половину спины, и во время концерта он умудрился водрузить её над сценой, что только добавило антуража. (Обратите внимание на деревянную стремянку на

фото.)

По итогам фестиваля «Ночная трость» получила свой первый приз зрительских симпатий и статус известной в Орле команды. Успехом ребят заинтересовался их школьный товарищ Андрей Щекотихин (на данный момент он заведует кафедрой органической химии в РХТУ). Его родители работали в образовательной сфере, а сам он после школы уехал учиться в Москву. Связавшись с ребятами, Андрей попросил их сделать качественную запись, которую он мог бы отнести на прослушивание своим знакомым из московской рок-лаборатории.

Ребята с энтузиазмом взялись за работу, писались всё на том же УВМе. Эти треки представлены в сборнике «Новый порядок – 1990».

В группе часто менялись ударники. В записи «Нового порядка» принимал участие Андрей «Дюк» Козлов.

Кроме Ступиных песен записали песню Эдика Кузьмина «Дядя Кузя» и Стаса Дорофеева «Привет тебе, человек». Музыка последней очень схожа с «Тварью». Слова в будущем переделает Ступа – так получится песня «Какая разница».

Писались «на живую», то есть не каждый инструмент отдельно, как сейчас, а всё и сразу. Делали несколько дублей одной и той же песни, отбирая наиболее удачные варианты. В те времена никто не заморачивался названиями песен (на-

зывалось всё как кому удобно), тем более не заморачивались и распределением песен по альбомам.

Главное, что запись дошла до адресата, и «Трость» пригласили на прослушивание для участия в Фестивале надежд.

По такому случаю Ростислав отложил свои амурные дела и на отборочном этапе играл на бас-гитаре.

Каждой группе давалось на всё про всё 30 минут. Выйдя на сцену, Рост и Кузя начали настраивать инструменты. Достоверно неизвестно, что они перед этим покурили, но процесс настройки оказался для них очень увлекательным, настолько, что, когда они закончили, времени осталось на одну песню. Исполнили «Тварь».

Александр Ф. Скляр, присутствовавший на отборе, уже резюмировал: «Достаточно, следующие!» – но тут за «Трость» вступился его коллега Максим Покровский и попросил, чтобы группа исполнила всю программу.

Вот таким образом «Ночная трость» (единственная немосковская группа) и стала участником Фестиваля надежд 1990 года.

По приезде с прослушивания Константин задумывается о том, как сделать так, чтоб московская публика надолго запомнила их выступление, и разрабатывает план.

Итак, первым по списку стояло «блевануть на сцене». Для выполнения этого пункта было решено во время выступле-

ния пить водку из горла до тех пор, пока не сработает нужный рефлекс.

Вторым пунктом значилась демонстрация непосредственно «ночной трости». Затем планировалось дать по лицу кому-нибудь из жюри и, по возможности, водрузить британский флаг. Сразу успокоим читателя – не всё задуманное удалось исполнить.

Стас Дорофеев: *«Я всячески пытался убедить Константина, что он крут и без подобного перформанса, что если мы сосредоточимся на музыке, то шансов быть замеченными намного больше».*

Фестиваль проходил в ДК Горбунова с раннего утра и до позднего вечера. Малоизвестные группы, поставленные в начале, выступали в фоновом режиме, зрители тусили, общались, занимались своими делами в ожидании выступления любимчиков, например «Монгол Шуудан». Для неизвестной же группы считалось большим успехом, если кто-то подходил к сцене, чтобы потрясти головой.

Немаловажной задачей как для зрителей, так и для выступающих было избежать встреч с ребятами, приехавшими в столицу из тех городов, где чаще посещали спортзал, а не музыкальные каморки.

Перед выступлением Костик приступил к реализации своих планов. Познакомившись с панками, он показал им свой самый настоящий британский флаг и попросил помочь водрузить его на крышу Горбушки. Однако милиция сработала

хорошо и задержала провокаторов.

«Трости» пора было уже выходить на сцену, но Константин куда-то пропал. Ребята предположили самое худшее – он встретился с гопниками. Однако в последний момент Костику удалось вырваться из рук правоохранителей, и выступление началось.

Выйдя на сцену, Константин сначала представил свою команду. Оголять «трость» он не решился, просто подержался за неё. Исполнили «Тварь», и к сцене начали подтягиваться зрители. Ступа, согласно следующему пункту, усердно пил водку, но вместо «блевануть на сцене» получалась лишь отрыжка. Выпив полбутылки, Костик бросает эту затею и передаёт бутылку в зал. Зрители, слегка удивившись, что в бутылке настоящая водка, с удовольствием осушили содержимое.

После выступления каждую группу в гримёрке ждали девушки-корреспонденты из журнала «Сдвиг», чтобы взять интервью для небольшой статьи.

Константин был готов к вопросу о происхождении названия группы: с невозмутимым лицом расстегнув ширинку, он показал молодым интервьюеркам, мол, да вот же она, ночная трость. На этом интервью и завершилось.

В статье, как мы видим, нет ничего особенного, отмечено только, что песня «Блядь» скопирована с песни Майка Науменко «Дрянь», хотя, по утверждению Ступы, это простое

совпадение.

После выступления ребята прогулялись по московским гастрономам, где на прилавках стояли пирамидки из банок с морской капустой, увенчанные свиными головами с ценниками, гласившими: «Свиные рыльца – 1 р. 80 коп.».

В поезде Костик не давал товарищам спать, смеясь и договаривая: «Свиные рыльца по рупь восемьдесят...»

Станислав Дорофеев: *«После “Надежд” ребят как будто подменили. Если до фестиваля на репетициях не было никакого алкоголя вообще, ни в каком виде, только перед выступлениями немного для храбрости, то после фестиваля выпивка превратилась в проблему. Не знаю, с чем это связано, возможно, они решили, что уже добились всего. Я же принципиально не мешал дело и отдых. Начал договариваться о выступлениях в других городах – время тогда было такое, что раскрутиться можно было вообще без денег. Я надеялся, что мы опять приступим к серьёзным репетициям, но становилось только хуже. Алкоголь и успех – вещи несовместимые, поэтому я принял решение уйти не только из “Ночной трости”, но и завязать с музыкой вообще, направив усилия в другую сферу».*

Спустя несколько лет Стас случайно встретит Ступу на улице. Тот ему расскажет, что переделал текст песни «Привет тебе, человек». Позже Дорофеев всё-таки вернётся в музыку и создаст успешный проект [«Помни имя своё»](#).

Мы же подчеркнём, что немалую долю своих песен Сту-

па сочинил под одним-единственным допингом — молодостью. На записи с «Надежд» слышно, как Ступа рассказывает о песне «Телевизор» («Холодный воздух»), сочинённой под воздействием травы, но, видимо, это единичный случай.

«Наркотики убивают, но их всё равно принимают»

После ухода Стаса в «Трости» из старого состава остаётся только Кузя.

Из статьи орловской газеты «Поколение» от 13.07.1991 видно, что за барабаны взялся некий Валентин, за бас – Евгений «Жора» Березовский. В таком составе «Трость» выступила на очередном Орловском рок-фестивале в 1991 году, после которого группа распалась.

Константин решает освоить навыки игры на бас-гитаре и ударной установке, на которых можно было поиграть в пединституте, где часто проходили музыкальные тусовки. Он даже решил купить барабаны и играть на них у себя дома. Олег уже жил отдельно и периодически навещал выходявшего из-под контроля младшего брата.

Местная ребятня, видя, что к Костику идёт брат, собиралась под его окном. Они знали, что когда дело дойдёт до разборок, то в окно полетят пластинки и прочая атрибутика.

Одна из часто вспоминаемых Костей история того времени – поездка на выступление в соседний Брянск в составе группы Z.A.L.P под предводительством Вито Рембозо. Кон-

стантин тогда временно заменил отсутствующего бас-гитариста.

Ступа: *«Вито Рембозо баловался циклодолом и перед поездкой в Брянск угостил им меня. Выглядели мы как Элвис Пресли, а пёрло нас, как будто мы из группы “Тиамат”. Организаторы и зрители думали, что мы будем играть старый добрый рок-н-ролльчик. “Как играть?” – спросил я у гитариста, а он ответил: “Играй как хочешь, главное – быстро!” Было очень интересно наблюдать за лицами из зала, когда Вито на сцене начал своё безумие. Z.A.L.P. играл в стиле нойзкор, и моих навыков бас-гитариста вполне хватило».*

Также часто вспоминалась поездка на фестиваль в Вильнюс с группой «Суровые молчаливые негодяи». Ребята так и не выступили, но к этой истории мы вернёмся позднее.

Случались редкие встречи с Кузей, во время которых Костик наигрывал зарисовки к будущим песням. Но вскоре и они прекратились – Эдуард уехал в свою первую «командировку».

Константин тоже становится на криминальные рельсы, о музыке напоминает лишь оформление его комнаты с флагом Конфедерации в центре и большой коллекцией атрибутов Великой Отечественной войны, в основном немецкого происхождения.

Противозаконные деяния легко сходят с рук, Костик чувствует удачу и безнаказанность, которые неумолимо затягивают его в свой омут.

Ступа: *«Я просыпался утром и удивлялся, как меня ещё не расстреляли. Выходил на улицу с одной целью – взять от этого дня всё по максимуму, понимая, что рано или поздно придёт возмездие, но эти мысли быстро проходили. Такой подход притягивал ко мне много людей, им хотелось так же, но у большинства были планы хотя бы на завтра, а у меня был план только на сейчас».*

Показателен случай с зубами. Заболел у Кости зуб, да так, что пришлось отложить все дела и идти в больницу, где поставили мышьяк и сказали прийти через три дня. Костик, конечно, не пришёл – сейчас-то не болит, а то, что зуб развалится через неделю, так на это вообще плевать.

Конечно, наш герой не мог пройти мимо героинового бума, бушевавшего в то время в стране.

Ступа: *«Когда я впервые попробовал героин (94-й год), то сразу понял – это моя собака»^{1*}.*

Большинство людей, пробуя наркотики, надеются, что в будущем получится держать всё под контролем, Константи-на же вообще не парили подобные категории. Он нашёл то, чего ему не доставало, то, о чём он мечтал. Разочарование пришло очень быстро, таких ощущений, как в первый раз, больше не было.

Ступа: *«Я понимал, что так, как в первый раз, уже не будет никогда, но упорно продолжал искать этого, и я быстро превратился в собаку, которая крутится волчком и пытается укунить себя за свой же хвост»^{2**}.*

Именно об этом большом разочаровании первый куплет песни «Кайф», начинающийся с вопроса «где же кайф?» (второй куплет и припев были придуманы ещё в 1991 году, они опубликованы в газете «Поколение»).

Так продолжалось до 1995 года, когда милиция нагрянула с обыском в квартиру Константина. Искали пистолет, но Ступа знал, что ничего противозаконного у него нет, и спокойно отмачивал шуточки в адрес правоохранителей, думая, что в очередной раз пронесёт. Но один из сотрудников, уходя, мимоходом заглянул в хлебницу – а там лежала давно забытая и неинтересная Константину марихуана (в пересказах хлебница менялась на противогаз и морозилку, но суть истории не менялась). Так Костик и получает свой первый небольшой срок.

По тем временам за данное преступление можно было легко отделаться «условкой», но Константин не стал заморачиваться своей защитой. Возможно, он хотел уже в полной мере вкусить все прелести блатной жизни.

Ступа: *«Тюрьма всегда спасала мне жизнь, я чувствую, что жив благодаря тому, что кто-то сверху вовремя выписывает мне тормоза».*

Однако блатная карьера, так же как и музыкальная, оказалась не для Костика. Жизнь одним днём, смелость и риск – всё это, конечно, приветствуется в криминальном мире, но и там есть свои правила и иерархия. А правила или карьера – это совсем не собака Константина Ступина. Лихой,

бесстрашный разбойник стал тихим, законопослушным арестантом.

И вот, друзья, мы подошли к моменту, когда начинаешь задумываться, что же за человек этот Ступа, какими принципами и ценностями он жил.

Беззаботную юность описывать легко и весело. Дальше всё не так просто и однозначно, но тем интереснее.

Можно, конечно, отделаться дежурной фразой «Всё сказано в его песнях», продолжив повествование в стиле «Жизнь и приключения Костика», но наша книга называется совсем не так, а значит, и цели преследует совсем другие.

Когда я узнал историю Башлачёва и попытался найти в доступных источниках объяснения – почему же талантливый юноша, способный легко добиться грандиозных успехов, успехов, о которых большинство только мечтает, берёт и шагает из окна, – то меня не устроили найденные пространные, размытые ответы типа: талантливые люди все со странностями. А когда я заочно узнал историю Ступы, повис тот же самый вопрос – почему всё именно так. Думаю, не я один искал ответ, и есть достаточно размышлений на эту тему, например «Мартин Иден» Джека Лондона. Каждый делает свои выводы, но, думаю, что пример Ступы внесёт больше ясности в этот непростой вопрос...

Справедливым будет замечание, что выводы логичнее сделать в конце повествования, но мы рискнём прервать хронологическую цепь ради отступления, цель которого – взгля-

нуть на происходящие в дальнейшем события под определённым углом.

Любителям приключений можно пропустить следующую главку. Приключений будет ещё предостаточно, ведь мы даже не подобрались к финалу первой части.

«Когда я думаю, мне больно»

Если бы мы спросили у Константина, что он думает об этой книге в разговоре не для интервью или на камеру, то, скорее всего, в ответ услышали бы ещё одно фирменное выражение: «Когда я думаю, мне больно». Возможно, он услышал его в каком-то фильме, возможно, придумал сам, и, если бы перед нами стояла задача охарактеризовать Ступу в двух словах, эта фраза подошла бы на все сто.

Не торопитесь с выводами. При общении с Константином бывало трудно понять, говорит ли он о действительно наболевшем, или это сиюминутный порыв, или вовсе прикол. Такой уж был человек. Интерпретировать можно по-разному, и если кто-то ещё возьмётся создать его словесный портрет, то, вполне возможно, что он будет в корне отличаться от представленного в этой главе, однако это не будет означать, что в нём меньше жизненной правды, просто это взгляд другого человека.

Данное описание основано на четырёхлетнем плотном общении, можно даже сказать, работе, в ходе которой приходилось вникать и предугадывать Костино настроение.

Вернёмся же к нашей фразе – что это за мысли, от которых «больно»? По большому счёту это мысли о завтрашнем дне. Ведь решать насущные, повседневные вопросы, как это делают все «обычные» люди, Константин не хотел. Буднич-

ная рутина навевала на него тоску настолько, что он даже не всегда знал, будет ли что поесть на следующий день. Главное, чтоб тупая действительность не сжимала свои тиски.

В тюрьме весь срок – это один большой день, нет необходимости думать про грядущее, завтрак, обед и ужин по расписанию, а значит, там нет «боли». Поэтому в неволе Константин чувствовал себя относительно комфортно, вёл себя тихо и смирно. «Тюрьма и болезнь – во благо», – заявлял он.

Физическая боль и лишения, как в тюрьме, так и на воле, не были особой проблемой. Даже если решение не находилось, Константин умел стоически переносить все невзгоды.

Но почти всегда решения находились. Например, на зоне трудно попасть к стоматологу, а зубная боль становится невыносимой. Тогда можно сжечь газету: бумага сгорит, мышьяк, используемый при печати, собирается и закладывается в дупло.

Если на воле захочется есть, а денег нет, то это тоже решается. Ведь можно вынести из ближайшего магазина пару банок тушёнки и пообедать.

Константин всегда откровенно говорил о себе, не считая нужным скрывать свои отрицательные качества. Есть много примеров из его личной жизни, но наиболее очевидно эта черта просматривается в творчестве, хотя, наверное, жизнь и творчество – понятия неразделимые, если мы говорим о Константине Ступине.

Для наглядности сравним Ступу с другими известными

и не очень музыкантами. Ни для кого не секрет, что торчали многие рокеры. Кто-то говорил, что подсел из-за болей в желудке, у кого-то была бессонница, кто-то «случайно» попробовал и затянуло. Лишь некоторые завуалированно поднимали тему наркозависимости в своих песнях, однако для большинства она так и осталась табуированной. Мол, не было ничего.

Ступа же никогда не стеснялся. Тему кайфа в своих песнях он раскрыл полностью и безапелляционно. И это не выглядит какой бы то ни было пропагандой употребления. Скорее наоборот, это честная, горькая и щемящая летопись знатока «кайфа», который принимает любой выбор своего слушателя, никогда не осуждая. И ждёт от слушателя того же самого, ведь «пушистый хвост лисицы не оставил следы».

Юмористическое творчество, ставшее популярным в Сети, также подтверждает вышесказанное. Некоторые ролики вызывают недоумение и немой вопрос: «Зачем эта клоунада рокеру?» Ответ прост: юмор, как и музыка, как и наркотики, – это ещё один способ избавления от боли.

Многие рокеры для имитации откровенности прибегают к нарочитым матерщине и пошлостям. Ступе же не нужно было этого. Всё его творчество – это открытая книга. Каким он был, таким и предстаёт в своих песнях. Нет ни одного неискреннего слова. И про «боль», и про «кайф» Ступа вещал от самого сердца.

А вот грех, к которому Константин совершенно точно не

был склонен, — это уныние. Он смеялся даже смерти в лицо и делал это совершенно искренне, так как по-другому не умел, и это, конечно, его поразительное качество.

А теперь перейдём к часто задаваемому вопросу: как всё-таки Ступа относился к Цою и остальным акулам рока. Отвечаем.

Чтобы картина была наиболее ясной, нужно понимать, как Ступино поколение в целом реагировало на появление этих звёзд. Цой для Ступы был таким же оппонентом, как для Цоя «Ласковый май». Слушать Цоя означало быть таким же, как все, а это просто неприемлемо, и наполнение творчества тут уже второстепенный факт. «Быть таким, как все, с детства не умел, видимо, таков в жизни мой удел».

О Горшке, кстати, Ступа как-то положительно отозвался, но, опять же, вряд ли он слушал его музыку.

Был такой случай. Ехали в машине, и я поставил «Нирвану». Костик ожил, глаза загорелись: ух ты, здорово, говорит, а кто это? Я ему в ответ: ага, Костик, попался! Это же твоя «любимая» Нирвана!

Ставил я ему и Летова, попросил вслушаться и дать оценку, отбросив предрассудки. Оценка была положительной, но, чтобы врубиться, нужно думать, поэтому, как вы понимаете, повторных прослушиваний не последовало.

Как-то, помню, шли по Питеру мимо ларька, где торговали футболками с Цоем и Шнуром.

— Не хотел бы я висеть рядом с ними, — сказал Костик,

кивнув на витрину.

– Ты же утверждаешь, что тебе по барабану, что будут делать с твоим именем после твоей смерти? – парировал я.

– Так-то да, – согласился Костик.

Есть видео, где Константин отвечает на вопрос о своей мечте. Он говорит, что мечтает о том, чтоб его похоронили на Луне в чехле от контрабаса, и это отчасти правда.

Мечтал ли он о популярности и славе? Да! Но при одном условии – популярность будет здесь и сейчас. Если он сочинял, например, текст, то мог подойти прямо на улице к первому попавшемуся знакомому и попросить его выслушать. Именно такое применение своего творчества он находил самым правильным, а разговоры типа «можно же сделать так, что у тебя будут тысячи таких слушателей» его не особо интересовали. Будет – это хорошо, но главное, что есть сейчас. Пусть даже это и один-единственный знакомый, случайно проходящий мимо.

Также многие думают, что он был принципиально против коммерциализации своего творчества. Нет, это не так, он был только за, но условие то же – всё нужно здесь и сейчас.

Подобная своеобразная жизненная позиция вызывает неоднозначную реакцию, часто диаметрально противоположную, и это неудивительно при столкновении с такой одиозной личностью.

Родственникам Кости, например, всё это не приносило ничего, кроме страданий.

Но если в твоей жизни всё было плохо и казалось, что выхода нет, а друзья могли поддержать лишь дежурным сочувствием, то непременно возникало желание рассказать обо всем Константину. Он смотрел на тебя своим пронзительным взглядом, глазами, наполненными смыслом, глубиной, неподдельным сочувствием, и подбирал такие слова, что казалось, будто он пережил то же самое.

При подобных обстоятельствах произошла судьбоносная для Константина встреча, благодаря которой наша история имеет продолжение. Встреча с человеком, который до сего момента всячески избегал упоминания своего имени, однако в этой книге мы просто не сможем обойти его стороной.

Завершая портрет и возвращаясь к хронике событий, остаётся сказать, что при рассказе о жизни Константина постоянно возникают мысли о мистической предопределённости его судьбы.

Об этом часто говорил и он сам, вспоминая, как один в квартире засыпал с сигаретой на ватном матрасе, и только странная неведомая сила заставляла его проснуться в тот момент, когда угарный газ уже начинал своё действие.

Сам по себе он обладал какой-то осязаемой магической энергетикой, и его легко представить старцем, лечащим людей, как, например, Пётр Мамонов в фильме «Остров».

Вот пример. Сидим разговариваем во дворе, а на соседней лавочке навзрыд в коляске орёт ребёнок, продолжительное

время не реагируя на уговоры мамыши. И вдруг Костик начинает шипеть так, как умел только он, – наполовину по-гусиному, наполовину по-кошачьи, и ребёнок в ту же секунду стихает. Я тогда очень удивился, а Костик как ни в чём не бывало продолжил беседу.

Константин, к слову, легко находил общий язык с детьми, они его не боялись, возможно, потому, что он и сам часто был как ребёнок.

Одна подписчица рассказала забавную историю о своей дочери, которая всё младенчество и раннее детство слушала с ней песни Ступы, но никак не могла начать говорить, особенно букву «Р». И вот однажды они вышли погулять, солнечный денёк, нарядная четырёхлетняя девочка на самокате начинает петь на всю улицу чётко и внятно: «КОГДА Я УМИ-И-И-И-Р-Р-Р...» Детей не обманешь, они чувствуют фальшь.

«Вдруг из ямы оркестровой клоун вылезет здоровый»

Пока Ступа отбывал свой первый срок, Ростислав Терехов благополучно развёлся и решил вновь заняться музыкой, собрав новый состав. На бас-гитаре играл сам Рост, ударником был Дмитрий Slayer Брызов, гитаристом – Андрей «Клоун» Кутаков.

Ребята стали думать над аранжировками к старым текстам: в 90-м Костик насочинял их много, но не все тогда успели положить на мелодию. Ростислав с нетерпением ждал возвращения фронтмена, чтобы полностью укомплектовать группу.

Как только Ступа освободился, Рост немедленно зашёл к нему и начал рассказывать о грандиозных музыкальных планах. Но товарищ сильно изменился после отсидки, был больше похож на обычного зэка, а не на музыканта, ходил по комнате из угла в угол, всем своим видом показывая, что музыка его больше не интересует и теперь у него другие заморочки.

Ростислав расстроился, но подумал, что раз аранжировки уже отрепетированы и готовы к записи, то затащить Костика на час-полтора репы для записи вокала не составит труда. Так оно и вышло.

Первая запись-репетиция состоялась в 1996-м перед еже-

годным Орловским рок-фестивалем под лозунгом «Рок против наркотиков». Репетиция прошла успешно, некоторые её записи можно послушать на сборнике «Машины-1996». И раз уж так вышло, ребята решили принять участие и в самом фестивале.

Нужно сказать, что середина – конец 90-х – это расцвет орловского рока. Кроме ежегодных многодневных фестивалей, проходивших в основном в ДК «Юбилейный» вместимостью до 1000 человек, были и другие менее масштабные мероприятия с участием местных рок-групп.

В то время зарождались «Яйцы Фаберже», «Пластика», «Туризм» и много других крутых, но известных пока только в Орле команд. Подробнее об орловской рок-сцене можно прочитать в 10-м выпуске журнала «Пантеон Андеграунда».

Но вернёмся к выступлению наших героев.

Когда объявили «Ночную трость», зрители, выходившие подышать, бросили свои сигареты, и «Юбилейный» быстро заполнился. Группа была известна и любима в кругах орловской молодёжи.

Ступа: *«Я пел и в один момент понял, что куда-то пропал наш гитарист Клоун: музыка есть, а гитариста нет. Я искал его на сцене, думая, что меня просто очень сильно накрыло, заглянул в оркестровую яму, а там такая картина: Андрюха скачет в яме, отрабатывая движения Ангуса Янга. Зачем он решил это делать именно там, остаётся загадкой».*

По итогам фестиваля «Ночная трость» получила очередной приз зрительских симпатий в виде магнитофона. Константин сразу же пошёл на рынок, чтобы обменять приз на более нужные в хозяйстве вещи, но милиция заподозрила, что новенький магнитофон был украден. Костю задержали, не поверив, что он может вызывать у кого-то симпатии на целый магнитофон.

В 96-м и начале 97-го «Трость» принимает участие ещё в двух подобных мероприятиях: в Доме пионеров на Медведева (в Сети есть видео) и на фестивале «Как прекрасен этот мир» 2 марта 1997-го.

Схема была та же: перед выступлением группа разыскивает Константина, проводится запись-репетиция – и на сцену.

А чем же жил Константин в то время? Музыка, понятное дело, дохода не приносила. Ходят упорные слухи, что он угонял автомобили, но это вряд ли. Возможно, он мог быть причастен к угонам на заре криминальной деятельности, но скорее просто стоял на шухере или воровал магнитолы, так как водить-то не умел.

А вот то, что с раннего детства он любил фирменный шмот и разбирался в нём, – это известный нам факт. Наиболее подходящая история для описания его жизни на тот период – случай с манекеном.

Ступа: *«Я был на системе. Мне нужны были деньги, и я работал, мне было всё равно, где брать и что брать. Как-то*

шёл по центральному рынку между рядами и увидел хорошую кожаную женскую куртку на манекене, прикинул, что быстрее получится взять её вместе с манекеном. Я схватил его под мышку и стал отходить, и тут до меня дошло, что свернуть это всё и спрятать за пазуху, как обычно, не получится. Мне почти удалось выйти с рынка, но тут барыги очухались, поняли, что я не их коллега. Я тогда чудом спасся от серьёзных побоев».

Когда совсем прижимало, то на продажу шёл неприкосновенный запас – личная коллекция атрибутов Великой Отечественной войны.

В 1997 году сел на систему и Ростислав.

Ростислав Терехов: *«После развода у меня часто стали случаться запои, и я решил закодироваться. В 97-м я стал часто тусить с Костиком и его компанией, алкоголь мне было нельзя, и я решил попробовать то, что принимали они».*

И без того нечастые репетиции прекратились. В начале 97-го записали лишь одну песню – «Негр», она тоже вошла в сборник «Машины». После записи барабанщик и гитарист покинули группу. Однако ещё одно выступление в 97-м всё же состоялось.

Ростислав и Константин тогда прогуливались со своими девушками по городскому парку. Тут немного отвлечёмся от темы, расскажем об отношениях Костика с противоположным полом.

Хорошим девочкам нравился плохой мальчик, поэтому

он никогда не испытывал недостатка в женском внимании. Достоверно известно, что он любил по-настоящему некую Елену (я пытался её найти, но не удалось). Но из-за образа жизни Костик никогда не был женат и потомства, насколько известно, не оставил.

Так вот, гуляли, значит, Ступа с той самой Леной, Рост, его девушка Таня, их боевая подруга-амфетаминщица Рок-сетка, а в это время на летней сцене проходило очередное рок-мероприятие.

Кто-то из организаторов заметил компашку и, здороваясь, предложил выступить. «В принципе, можно», – согласились ребята. Костик к тому времени уже умел играть на гитаре, нужен был только барабанщик для поддержания ритма, его одолжили у одной из групп-участниц.

Вышли, отработали свою короткую программу, а в конце решили исполнить недавно отрепетированного «Негра». Как только ребята сошли со сцены, к Ступе подошли два омоновца и спросили: «Ну что? Хорош тот мент, который мёртв?» Ступа ответил, что да, мол, в песне же так поётся, значит, так и есть, и тут же получил несколько сокрушительных ударов. Друзья даже не поняли, что произошло, увидели лишь истекающего кровью Костика с тяжёлой черепно-мозговой травмой.

В 97-м умирает мать Константина. Он очень переживал, но на похороны, мягко говоря, опоздал, были дела «поважнее». Возможно, именно эта ситуация повлияла на решение

Костика завязать.

Он закрывается дома и какое-то время держится, отказываясь от всех предложений прогуляться, пока не зашла Роксетка и не спросила: «Ступа, поедешь в Москву на концерт “Моторхед”?» Против такого соблазна Костик устоять не смог, и они поехали. На концерт, правда, так и не попали. Вместо этого Костик ввязался в драку, когда кто-то оскорбительно высказался в адрес его подруги.

Потом они познакомились с ребятами – любителями винта и затусили с ними, на две недели выпав из реальности.

Тем временем кассеты с записями потихонечку распознала по Микрону и за его пределами, дворовые исполнители охотно делились аккордами. «Ночная трость» становилась всё более популярной в Орле группой.

В 98-м проявил активность старый знакомый, барабанщик Сергей Дадонов. Он решил организовать репетиции и выступление на фестивале «Рок против наркотиков – 98». У Костика как раз родились свежие тексты – «Лёд и ветер», «Пушистый хвост», «Ночная трость». Эти композиции были исполнены на фестивале и запечатлены на видео, студийной записи сделано не было.

Ростислав решает в корне изменить свою жизнь и уехать работать в город США («Город США» – юмористический репертуар Константина и Миши). Перед концертом ему нужно было заехать в московское посольство США для получения визы. На собеседовании у Роста началась сильная лом-

ка. Рост переживал, что сотрудники посольства, заметив это, откажут в визе, но в итоге он её получил, а вот рубли, которые не успел обменять, обнулились, и все планы рухнули.

В 1999-м состоялось ещё одно выступление Константина Ступина на Orel butchers party с Павлом Чечуриным на басу и Думбой из группы «Паралон» на барабанах (ныне более известный как Доктор Роганов, барабанщик «Адового мужика»). На этом концерте впервые прозвучала песня «Секрет», окончательный её вариант войдёт в посмертный альбом «Ремесло». Концерт снимался на видео, но сохранилось оно у кого-нибудь или нет – пока не известно.

Константин менять свою жизнь не планировал, но она изменилась. Он вскрыл челночный пикап, загруженный шмотками. Добыча была солидной, но нужно было по-быстрому сбыть товар, поэтому всё отдавалось за бесценок, многое раздавалось просто так. Немудрено, что правоохранители без труда вышли на след.

Костика вызвали на допрос. Следователем оказалась девушка. Константин включил на максимум своё обаяние и магию, уверив, что обязательно явится на суд по повестке. Его отпустили под подписку о невыезде.

Выйдя из отделения, Костик решает: нужно валить. Но куда? И где взять денег на билет? Зашёл домой, и тут же зазвонили в дверь. Не успел, подумал Костик. Но у порога оказались молодые панки, начинающая группа «Эйфория». «Ступа, – спрашивают, – не знаешь, у кого можно купить гитару

недорого?» «О, ко мне вас направили сами боги», – ответил Костик и продал им гитару, взятую у знакомого поиграть.

Деньги есть, но куда ехать, раздумывал Ступа, стоя в очереди за билетами, и вспомнил друга детства по пионерскому лагерю Илью Аболмазова.

Илья переехал жить в Краснодар и рассказывал, что его отец работает в каком-то ДК. Денег на билет хватило, и Костик благополучно прибыл в Краснодар, осталось только обойти все ДК и поспрашивать – работает ли у них Аболмазов.

Таким необычным образом друзья детства встретились.

«Но я хотя бы попробовал это сделать, черт побери!»

Илья оказался творческой личностью – поэт, художник, музыкант и всё такое.

Илья Аболмазов: *«Познакомились мы со Ступой в 82-м примерно, ещё до поражения подростковым онанизмом, в пионерском лагере “Кристалл”. Лопоухий и шелудивый мальчик привлёк моё внимание. В 90-е я тоже занимался музыкой, в Орле тогда ей не занимались только глухие безногие собаки. Но со Ступой я не сотрудничал, если не считать сотрудничеством то, что он мне иногда показывал свои тексты, а я его подбадривал фразой "Ты что, дебил!", после чего он переделывал их до более-менее вменяемых».*

В Краснодаре друзья занялись совместным сочинительством, так появились такие вещи, как «Папа Карло», «Крошка Мегги», «Доктор Павлов», «Чёрный байк», «Кровавая осень». К рассказу Ильи мы ещё вернёмся, пока обратимся к воспоминаниям ещё одного свидетеля тех событий.

Иван Жалнин: *«Что рассказать? Как он колбасу в магазинах тырил и обменивал её на рынке у бабушек на палёную водку? Мы с товарищем решили создать группу и повесили объявление на рок-магазине о поисках басиста для игры в ВИА в стиле "эх пойдёт". Вот так нам и нашёлся Ступа.*

Димон-Литровый приходит, говорит, басера нашёл. Ну вот, пошли пива попили, поговорили и через день-два уже на флоте у меня стали пытаться что-то лабать – мы свои песни сыграли, Костя свои. Мы в восторге были, так и появился коллектив "Браунинг & Маузер". Жил он сначала у Ильи Аболмазова, татуировщика из Орла, снимали они комнату у деда, которого называли Дон Мефисто, потом вроде пропал на месяц – где-то в Адыгее за чьей-то дачей присматривал, там и жил, потом на Городородах у кого-то.

Песня "Чёрный Байк" появилась при мне. Нам предстояло выступить в мотоклубе, и Костик принёс этот текст, мы сыграли её, но байкеры прогнали нас со сцены, посчитав, что это стёб над ними.

Ещё, помню, делали песню про Майкла Джексона, про папу Карло и Буратино. А расстались так: Ступа взял у меня поиграть электрогитару, в общем, после этого я его больше и не видел. Поначалу я расстроился, но потом подумал, что мало ли, закрыли его или хз, короче, я на него не в обиде остался в итоге, но связи больше не было».

Нетрудно догадаться, что гитара, о которой говорит Иван, была успешно продана, а на вырученные деньги Константин вернулся в Орёл.

Илья Аболмазов: «В Краснодаре Ступа занимался спортом, вы не поверите, но каждое утро он пробегал по четы-

ре километра, потом брусья и турник. Голова у него прояснилась, плюс, хотя и под моим давлением, был посажен за книги, что и послужило толчком к его творчеству, хотя бы он узнал много новых слов. Потом было четыре месяца жизни на побережье, много веселья и смеха. Как признавался впоследствии Ступа, это было лучшее время в его жизни, да и в моей тоже. А потом меня прикрыли, и Костя уехал в Орёл, где без надлежащего контроля пустился во все тяжкие, поймал роковой недуг... а, в манду! Сейчас мне 50, и я скучаю по Косте, он товарищем был охуительным.

Вот случай на побережье: сентябрь, утро, просыпаемся мы в палатке часов в шесть, великолепное утро, солнце ещё косо бьёт через листву кавказского леса, а мы, позёвывая, выходим к домику, где обитают местные рыбаки, этикие мужички-лесовички, их уже нет, ушли в море. “Ну что, Костя, надо позавтракать”. – “А что у нас есть?” – “Десяток картох есть”. – “Ну так и славно”.

Глядим, на пороге рыбацкого домика стоит ведро, полное каких-то грибов белого цвета, с виду как поганки. “Костя, – говорю я, – эти-то лес знают, говна не соберут, позаимствуем, с картофаном-то оно ого-го как славно получится”. Развели огонь и приготовили себе завтрак. Поели и сидим на бревне в наслаждении, практически как буддисты, слов нет, тихо перевариваем эту вкуснятину.

Тут приходит рыбак: “Здорово! Что, проснулись?” – и с этими словами шварк ведро на помойку. Мы как-то пере-

глянулись и спрашиваем: “А чего это ты, Митя, грибы-то выбросил?” – “Да хер его знает, кто-то поганок насобирав, полгриба – верная смерть”. Мы опять переглянулись, потому как только что покушали четыре на двоих. “Да ну на хуй, – сказал рыбак. – Да вам пиздец! Давно?” – “Да только что!” “Сейчас”, – сказал рыбак и скрылся в доме.

Мы, побледнев, рассматривали один другого, и напомним, утро, божья роса, а нам вроде как хана, нет слов, чтобы описать это ощущение. Тут выходит Митя с канистрой керосина и наливает нам по кружке: “Пейте, сукины дети, не дай бог сдохнете ещё прямо здесь!” Одним словом, вылакали мы эту канистру, рвало так, что аж радуги появлялись, но остались живы.

Всё это происходило между Бетой и Прасковеевкой, в 50 километрах от Геленджика.

Вот ещё история: повадились к нам лазить соньки, вроде крысы, но хвост как у белки. Тогда я, как главный зверолов, придумал для них ловушку: возле опорного столба горизонтально вешается баклажка, в дальнем конце приманка, когда сонька лезет туда за вкусняшкой, центр тяжести нарушается, и баклажка опрокидывается вместе со зверьком, который сидит в ней мордой вниз, а жопой вверх и вылезти не может, собственно, и все. Ступа придумал их обдирать и засаливать, как засаливают тарань.

Сушил он их вдоль дороги, по которой туристы ходили на водопад. Сначала я думал, что он пытается так отпугнуть

людей, чтоб они лишний раз медитации не мешали, но он нашёл им ещё одно применение.

Как-то, придя в Бету, мы заглянули в пивной ларёк, заказали по паре пива и стоим такие невозмутимые, прихлёбывая пиво и мирно беседуя о будущем человечества. Баловались философией, что греха таить! Помимо нас были ещё несколько мужиков за соседним столиком, они что-то буровили между собой, и один из них вытащил рыбу и побил ею о стол, чтобы легче чистилась. И вот тут Ступа вытаскивает из кармана сушённую соньку и тоже начинает лупить ею о стол, эффект был... Мужики засобирались и вскоре ушли, а Ступа, глядя на бармена, впился зубами в тушку, это с его-то внешностью. Произошёл небольшой коллапс у продавца, а Ступа потребовал ещё пива и чтобы холодного! Впоследствии мы задружились с этим малым, и он даже отпускал нам по кружке бесплатно. Надо добавить, что и вид у нас был шикарный: мы были одеты в кимоно, Ступа в чёрное, а я в белое, это и была наша повседневная одежда. На ногах были сандалии, причём самые дешёвые, а море выбрасывает на берег кучи этого говна, но я запретил Ступе ходить в разных, чтоб внимания не привлекать, хотя потом мы и начали разгуливать в кимоно, но это не для красоты, оно удобно.

А вообще, вскоре нас уже знали все, что в Бете, что в Кринице, мы адекватно, ну и с нами адекватно, а в этих местах странных людей большое множество, а так как мы

и на язык были остры, то к нам привыкли и считали за своих.

Единоборствами я увлёкся ещё в Орле, это было модно у бандитов. Я был дружен с одним авторитетом – Платоном.

Там в горах мы тренировались, у Костика тоже была тяга к боевым искусствам. Каждое утро, после душа, а душ – это тот самый водопад.

У нас были печатки, и мы по-дружески лупили друг друга вместо зарядки. Потом шли добывать что-нибудь съестное. Это могли быть дары моря – рапаны или крабы. Ступа, кстати, выучился нырять, как ихтиандр, за полчаса налавливал их полный пакет, и это правда трудно!

Это отступление, дальше, приехали из Москвы человек тридцать, вот именно каратистов, с их гуру. Расположились они неподалёку в палатках и давай заниматься, медитировать и читать мантры и провоняли всю окрестность благовониями. Это соседство нам было не очень. Мы жили уединённо, в тиши, а тут 30 человек, да ещё с прибабахом. Надо было как-то поддержать свой статус хозяев этого ущелья, и тогда мы сделали вот что...

Утром мы, как обычно, позанимались. А эти были на горе, и сверху они могли нас видеть, как на ладони. После мы зашли за дом, из досок рыбацкий домик, где нас уже не видно, и начали производить специфический шум. Я бил бревном в стенку домика, а Ступа при каждом ударе издавал дичай-

ший вопль "кия-я-я". Короче, грохот на все ущелье – ребята занимаются. Так вот, после этого вся эта московская ту-совка по струнке ходила.

Туда, в горы, мы даже взяли с собой грушу килограмм, наверное, в двадцать, и мы все это пёрли с собой. Да там даже сесть нельзя было, такой вес – посуда, инструменты. Сядешь, без помощи не встанешь, реально. Мы в два этапа прошли 8 километров по берегу, с ночёвкой. Даже двуручная пила, и та была, мы шли, вообще, очень серьёзно, как древние японцы.

Горы рядом с Краснодаром, два часа – и ты среди них, а они существуют миллионы лет, и я познакомил Костю с этим ощущением.

В Краснодаре есть такой район, Затон, мы там снимали частный дом, бежали по утрам. Ступа потерял эти фотографии, он же накачался и был здоров как бык, реально, Ступа был мышцатый, так что и гопота побаивалась нас задевать.

Там, на Затоне, есть громадное дерево, тополь, обхватов в восемь, чудовищное дерево, и возле него мы поклялись, что поедem в горы и поймём наконец, что нам делать в этом бестолковом мире, и я сказал: давай год проживём всего-то, ведь, гляди, уже по тридцатнику, а мы пни пнями. И Костик согласился.

Мы уехали в горы, специально, чтобы воспитать свой дух, мы даже до половины построили избу из дубов, мы там,

видите ли, работали, а не только развлекались.

Но год мы там не протянули и вот почему. Как-то сидим с рыбаками и заходит такой разговор. “Слышь, – говорит один, – там в лесу кто-то захуярил сруб, вот так, по по-яс. Оно же за каждое дерево штраф 10 штук, реликтовый лес!” И на нас смотрит. Здесь мы понимаем, что он про наши труды в поте лица, это не то слово, мы работали как проклятые. “Не видали чего?” – “Нет, – говорим мы, – на хер нам леса”. А там дубов положили штук 30. Думаю, что они догадались, но не сдали нас егерю. А как ты думаешь, можно без избы протянуть год, зимой? Это ж не квартира: стал жопой к батарейке и грейся.

Ну что ж, это была отчаянная попытка вырваться из омута повседневности, по крайней мере мы попытались!^{3}*

Меня закрыли по глупости. Я сделал татуировку одному челу, и он в благодарность насыпал мне пятаку травки, и я поехал домой. И вот обычный патруль: “Ваши документы”. – “Дома”. – “Что в карманах?” А там этот мизер. Дали мне полгода. Вся зона смеялась над этим сроком. Я вышел и поехал в Орёл, нашёл Ступу, а он за это время уже успел схватить заразу и т. д. Мы встретились в “Далласе”, не знаю, есть сейчас такое кафе или нет, возле “Салюта”. Ступа на кураже объявил, что поймал ящур.

Какой ещё ящур? Он рассказал про ВИЧ. Мне было больно видеть своего товарища, с которым мы бок о бок прожили более года. “Ну как?! – заорал я. – Как ты всего-то за пол-

года умудрился так вплинуть?” Ступа замычал, он всегда мычал, когда нечего было сказать. Засунул пятерню в хаер, нёс чего-то о панк-роке, приводил в пример Элвиса Пресли.

Я понял, что он опять на системе, и все наши жаркие беседы и споры коту под хвост. Я сказал тогда: “Ступа, больше ко мне не подходи, ты как та свинья, что зарекалась говна не жрать, а тут бежит, а их два лежит”. После он ещё приходил, но я в злобе своей не открывал ему дверь, о чем сейчас искренне жалею».

Вернувшись из Краснодара, Константин не задержался на свободе.

Удалось «поднять» точные даты и статьи судимостей Константина Ступина начиная с 2005 года (до этого времени точных данных не сохранилось): 25.10.2005 – ст. 161, ч. 1; 09.04.2008 – ст. 158, ч. 1; 15.04.2008 – ст.158, ч. 1; 02.11.2008 – ст. 158, ч. 2.

Ростислав Терехов: «Где-то в 2000-м я случайно встретил Костика. Он рассказал, что вернулся только что из Краснодара и находится в розыске, сказал, что неплохо было бы встретиться. Я согласился, но встречи не произошло – Костик уехал в свою очередную “командировку”».

На зоне

Период с 2000 по 2013 год можно описать коротко – украл, выпил, в тюрьму. Здесь нужно подчеркнуть очень важный факт: Ступа

никогда и никому не писал с зоны писем с просьбами закинуть чайку, сигарет и тёплых носочков. Он не любил быть кому-то обязанным, что-то просить и в целом был даже стеснительным.

Да, по пьяни он частенько стрелял мелочь у ларька, но это немного другое, и, опять же, это ни к чему не обязывало. Вместо просьб о помощи с воли он предпочитал сидеть на голяках, ему было проще, если те, кто по ту сторону забора, считали, что он умер. Ступа приспосабливался к лагерной жизни сам, без чьих-либо подачек.

Да мало ли зэков, о которых забыли друзья и родственники? Сами виноваты! В следующий раз думать будут! Если, конечно, доживут до следующего раза. Ступа доживал, чувствуя чью-то незримую заботу сверху. Так получалось, что на его пути, хоть и нечасто, но всегда в нужный момент, встречались те, кто оказывал нужную поддержку.

Сергей «Мёд» Медов: *«Сидели мы с ним вместе на одном лагере, в одном бараке жили, был он у нас дневальным. По*

нему сразу было видно, что со здоровьем всё плохо, и никто не удивился, что у него ВИЧ. Мы были на 19-м, а это не самый хороший лагерь на ветке Мордовии, на тот момент – один из хреновейших. То есть работать в промке на уровне всех остальных эков для Костика было смерти подобно, да и возраст у него был не юный, мягко говоря.

Но, помимо всего этого, он был прикольным челом. В основном лагерный контингент – это недалёкие люди, сидят, цифрият, разводят свои тупые базары, а этот чувак такой, замороченный. Любил он историю фашистской Германии, брал книги в библиотеке, изучал, читал, в общем, было о чём поговорить с ним.

Воскресенье было днём самодеятельности, и в клубе выступали все желающие. Выступал и Костик. Я думаю, что его выступления запомнили многие, кто на том момент был в лагере. До него приходилось слушать однообразную слюнявую эковскую романтику. В общем, он в корне поменял лагерный репертуар, и в этом плане знали его все.

Однажды был какой-то большой праздник. Администрация решила вытащить большие колонки на плац, музыка была слышна не только по всему лагерю, но и за его пределами, где были мусорские общаги. Костик решил выступить и исполнить песню собственного сочинения “Ирина и Марина”. Пока до администрации дошёл смысл этой песни, пока прибежали вырубать аппаратуру, он успел спеть её почти полностью. После этого случая Костика на сцену не пуска-

ли.

Хоть дневальный и считался полукрасным, но я вам скажу, что положиться на него можно было, порядочности в нем было гораздо больше, чем у многих правильных пацанов, гадского от него никогда ничего не было. А то, что он дневальным пошёл, так у него выхода не было, иначе бы он загнолся.

Но, сами понимаете, к красным или полукрасным отношение не особо хорошее. Но я к тому моменту отмотал уже восемь из своих четырнадцати и не особо заморачивался цветными раскладами. Вопросов у меня к нему по этому поводу не было, я хорошо понимал его как человека, и у нас были приятельские и дружеские отношения.

Встречался на моём лагерном пути ещё один его земляк и тоже музыкант – барабанищик из какой-то группы, так это был просто хуеплёт какой-то, сучара красная. Посдавал нас всех. Так что люди все разные, независимо от ярлыков, которые на них вешают.

Когда Костик освободился, мне оставалось четыре года. Для меня было полной неожиданностью, когда я увидел его ролики в интернете, мы с удовольствием смотрели и обменивались ими друг с другом, это очень помогало скрашивать лагерные будни.

Я зашёл в группу в “ВК”, нашёл контакты и передал Костику привет. В скором времени получил видеопривет от него, теперь храню его и вспоминаю.

Очень жалко, что мы так и не встретились по ту сторону забора».

Когда я сказал Ступе, что ему передаёт привет какой-то Мёд, он очень обрадовался, рассказал, что они сидели вместе, что у Сергея был очень большой срок, что он активно занимался спортом, был внушительных габаритов, но при этом очень весёлым человеком. У Ступы сразу же возникла идея снять на видео ответный привет.

Немудрено, что за тринадцатилетний перерыв в музыкальной деятельности «Ночная трость» и Константин Ступин стали забываться немногочисленными поклонниками. Большинство из них приблизительно 80-го года рождения, понятно, что в процессе взросления музыкальные пристрастия отходят на второй план.

Но некоторые – помнили, вот воспоминания одного из них:

«Я сидел в Орловском СИЗО, узнал, что в одной из камер сидит Ступа, и отправил ему маляву, где написал, что мне нравится его творчество, а в ответ получил маляву с текстом песни “Кровавая осень”».

Первый паблик

Помнил о Ступе и другой поклонник, создатель первого паблика в «ВК», посвящённого памяти группы «Ночная трость».

Максим Стонтов: *«Это был примерно 1996 год. На одной из тусовок панк по кличке Килограмм предложил мне послушать “Ночную трость”. Типа если не слышал, то вот послушай.*

Мафон старался воспроизводить звук, но слов было не разобрать. Добрую половину текстов я не понял, но творчество понравилось. И взял я кассету переписать. На одной стороне было выступление на “Фестивале надежд”, а другая сторона заполнена песнями “Н.Т.” с разным качеством и вариантами исполнения, была там и песня Кузи.

Потом всё тот же Килограмм показал мне Ступу. Он шёл быстро и целеустремлённо вдоль Китайки (дом с шестнадцатью подъездами на Микроне, в котором какое-то время проживал Ступа). Волосы завязаны в хвост, сам одет в джинсовый костюм. Потом периодически я его видел, ведь жили в одном доме.

Первое знакомство произошло летним вечером года 1997-го. Я с тусовкой стоял около шестого подъезда Китайки. К нам подошёл Ступа и предложил купить какую-то вещь

погибшего немецкого солдата. Я его узнал, ведь не раз видел, да и записи "Ночной трости" на моей кассете проходили регулярное прослушивание.

Ту самую вещь ни я, ни рядом стоящие не купили. Но знакомство состоялось. Прошло какое-то время, и зимой того же 1997 года мы с другом решили зайти к Ступе для совместного распятия самогона.

Мероприятие сие проходило в его комнате в четырнадцатом подъезде Китайки. Зайдя туда, мы увидели большое количество атрибутики: над кроватью – флаг Конфедерации, на полке в шкафу – череп, пулемётные ленты. На полу в жёстком кофре лежала красная бас-гитара, стены увешаны плакатами, фотками, рисунками. И, конечно, дверь. На ней было так много рисунков и надписей, что казалось, они нанесены в несколько слоёв.

По прошествии какого-то времени Ступа переехал на Звёздный. Туда я приходил с группой "Эйфория", которую начал делать со своим другом. Искали мы электрогитару для нашего соло-гитариста. Услышав, что нам нужно, он очень обрадовался и продал гитару.

Со временем появились новые записи с хорошим качеством, и это радовало. Кассет было уже две. У меня появился музыкальный центр, и слушать кассеты стало одно удовольствие, ведь звук качественно отличался от обычного мафона.

Время шло. Группа "Эйфория" была свёрнута в 2002 го-

ду. Прогресс на месте не стоял. И зимой 2003 года я купил компьютер. Освоил это чудо техники, решил записи оцифровать и звук подредактировать. Сказано – сделано, и "Ночную трость" я уже слушал на диске.

Всё в том же 2003 году Олег (басист свёрнутой на тот момент группы "Эйфория") принёс мне видеокассету с записями "Н.Т.". Там были концерты разных лет. Такое приобретение меня очень порадовало. Олег сказал, что эту видеокассету взял у Ступы и большие материалов по "Ночной трости" у него нет, "всё раздал".

В 2004 году родилась идея оцифровать эту видеокассету. Процесс оказался затяжным, ведь DVD-болванки только начали появляться, и весь захваченный материал пришлось архивировать и переносить на CD-болванках. Болванок получилось примерно десять штук, ведь видео и звук хватали без компрессии.

Скопировав архивы с частями видеозаписи "Ночной трости", я приступил к делу. Точно не могу сказать, сколько времени заняли монтаж с редакцией звука и видео. Но впоследствии эта видеозапись ляжет в основу создания группы "Ночной трости" в соцсети "ВКонтакте".

Мысль о её создании меня посетила в 2011 году. Задумка возникла спонтанно. Да и техническая база уже позволяла, появился быстрый интернет.

Всё в том же 2011 году группа была создана. Один вечер ушёл на создание, второй вечер был посвящён приглашениям

лиц заинтересованных».

Стена группы была открыта, и каждый желающий мог оставить на ней своё воспоминание или мнение. Скрупулёзный читатель может при желании найти тот самый первый паблик, отмотать стену в самое начало и почитать те сообщения.

В этих же сообщениях появилась и новость о том, что Ступа умер, а один из музыкантов, работающий в органах, подтвердил – да, умер и захоронен на общем зоновском кладбище, так что рок-н-ролл станцевать на его гробу не получится.

Сложнее было поверить в то, что он жив. Все знакомые понимали, что Ступа отправился в свою последнюю командировку, из которой вряд ли вернётся.

Свобода – это рай

Однако, несмотря на все прогнозы и слухи, 1 февраля 2013 года Ступин Константин Валентинович получает справку об освобождении, единовременное денежное пособие в размере 850 рублей, уведомление для службы занятости с указанием, что гражданин Ступин имеет навыки портного (проработал два месяца на «промке») а также артиста-вокалиста. С этим багажом

Константин Валентинович прибывает в Орёл.

Заселяется в свою комнату в двушке брата, где тот живёт с семьёй, и идёт навещать друзей.

Первым навещает Кузю-младшего – так уж сложилось, что после каждой отсидки он сначала заходил к нему, и это стало традицией.

Затем – к Ростиславу.

Рост: *«Пока Ступа спасался на зонах, я спасался в монастырях и был уже долгое время абсолютно чистым. Известие о том, что он умер, я воспринял спокойно, многие мои сверстники не спаслись и ушли в мир иной. Конечно, когда я увидел его на пороге, то, мягко говоря, офигел, но обрадовался. Он зашёл, мы поговорили. Я рассказал ему, что я чистый, он сказал, что тоже не хочет возвращаться к прежнему, сам завёл тему о христианстве и боге. Я поделился*

своими знаниями. Он сказал, что хочет принять крещение, и я поддержал его решение. Разговора о музыке не было вообще, всё это было в далёком прошлом и казалось подростковым увлечением».

Затем Константин отправился к своему давнему другу Денису...

Друзья, на этом моменте нам нужно прервать приключенческую серию для подведения итогов первой части, чтобы понять, насколько же успешен был творческий путь Константина в этот период.

Для начала давайте определимся – кого же можно считать успешным музыкантом и профессионалом.

Итак, прежде всего это, конечно, тот музыкант, который может позволить себе реализовывать творческий потенциал, не отвлекаясь на бытовуху и другие заботы, то есть заниматься музыкой профессионально. Тот, кому не нужно каждый день куда-то идти к восьми утра, ведь творческая вспышка может настигнуть в любой момент и нужно её успеть зафиксировать, имея под рукой все необходимые инструменты. Творчество и рутина никак не сочетаются. Вокруг такого везунчика есть специально обученные люди – промоутеры, продюсеры, концертные директора, позволяющие ему заниматься исключительно творчеством. Такого человека называют профессиональным музыкантом.

Рассмотрим другой случай – очень талантливый, возможно, даже гениальный музыкант, но сложилось так, что жена,

дети, тёща, работа, подработка... Несмотря на это, он выкраивает время писать действительно крутые песни. Промоутера нет, надежда на сарафанное радио, оно, конечно, работает, но за долгие годы творческой деятельности о тебе знают только в родном провинциальном городе. Да, тут у тебя много поклонников и даже ярых фанатов, приходящих на каждый концерт. Гонораров от таких концертов едва хватает на запись новой песни.

Можно, конечно, продать всё, включая квартиру, переехать в большой город и полностью погрузиться в творчество (есть такие успешные примеры), но это большой риск, к которому ты не готов (да и сколько таких покорителей неизвестно сгинули в больших городах).

Выход один – гордо называть своё творчество андеграундом, объясняя это тем, что не стал плясать под продюсерскую дудку, так и оставаясь широко известным в узких кругах культовым музыкантом.

Если рассуждать таким образом, оказывается, что Константин Ступин никакой не подпольщик, а самый настоящий профессионал.

Бытовухой он не парился, а значит, это не отвлекало его от творческого процесса. А по поводу продюсерских дудок как раз наоборот: если есть настроение, можно и сплясать – хоть под дудку, хоть под гармонию. В общем, не артист, а мечта любого продюсера. Вот только про успех говорить почему-то пока не приходится. Далее публикуем очень показательный

отрывок из интервью.

Корреспондент: Константин, вы имели определённый успех на Фестивале надежд в Москве, собирали аншлаги в родном Орле, почему же не удалось выступить в других городах? Не было предложений?

Ступа: Предложения были, нас не было.

Сразу вспоминается художественный фильм о Высоцком, повествующий о том, с какими трудностями сталкивалась администрация этого великого артиста. Скорее всего, сценаристы не соврали, преподнеся для зрителя события в облагороженном виде, но, если отбросить «художественность», всё это, скорее всего, выглядело примерно так: «Вова, дозу получишь только после концерта».

Творческий путь Константина Ступина можно пытаться сравнивать с чьим-то другим, и всё же он уникален, а пример с Высоцким мы привели, чтобы проще объяснить читателю тот факт, что

Ступа всё-таки нашёл своих администраторов, однако действовали они принципиально другими методами.

Денис

Дальше рассказывает Денис, тот самый приятель, к которому Константин и отправился после посещения Кузи и Ростя.

Денис: *«В начале двухтысячных меня как-то занесло в компанию, где тусовался Ступа. Я оказался там белой вороной, так как был далёк от их круга, но с Костиком общий язык нашли быстро, он отличался от своих друзей. Было понятно, что он неглуп, но мыслит как-то по-своему. Другьями нас вряд ли можно было назвать, просто общались на абстрактные темы. За этими разговорами я отвлекался от своего жизненного уклада, он – от своего. Слышал, что он музыкант, но это меня мало интересовало, я слушал БГ, и этого мне было достаточно.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.